

М. Д. Чертыхова

МОНГОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕКСТЕ ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ «АЛБЫНЧЫ»

Хакасский язык, как и другие сибирские тюркские языки, отличается изобилием монгольских заимствований, что является отражением различных многовековых контактов их носителей. Тексты героических сказаний сохраняют наибольшее количество таких слов, в том числе вышедших из активного употребления. Опираясь на семантические, морфологические, фонетические и этимологические критерии выделения монгольской заимствованной лексики, описанные в трудах известных лингвистов-типологов Э. В. Севортыана, В. И. Рассадина, Б. И. Татаринцева, А. В. Дыбо и др., удалось выявить монголизмы в тексте хакасского героического сказания «Албынчы». Однако вопрос монгольского происхождения некоторых из них пока еще остается открытым. Анализируются девять наиболее частотных в языке героических сказаний-лексем с функционально-семантических, этимологических и сравнительных позиций, из них четыре лексемы употребляются в современном хакасском языке в несколько трансформированном семантическом варианте. Материалом послужили примеры, транслирующие реализацию монгольских заимствований, собранные из героического сказания «Албынчы», а также для их анализа привлечены данные из лексикографических источников. Выявлено, что все рассмотренные монгольские заимствования бытуют не только в хакасском языке, но и в других тюркских языках Сибири, в том числе в кыргызском. Однако если некоторые из этих слов сохранились только в хакасских текстах героических сказаний и в Хакасско-русском словаре (2006), то их аналоги используются в активной лексике других языков, например: *арга* «1) сила, ловкость; 2) способ, средство, прием». Также установлено, что многозначные монгольские слова перешли в хакасский (и в другие тюркские сибирские, а также кыргызский), как правило, лишь в первичных значениях; некоторые из них получили развитие переносного значения в современном хакасском языке, например, *хуйах* «защита; интуиция». В семантико-функциональном плане предложения с монголизмами не отличаются особым разнообразием синтаксических связей, поскольку в них встроены активные клишированные выражения. Семантика и фонетический облик рассмотренных монголизмов в хакасском языке не обнаруживают значительных изменений.

Ключевые слова: хакасский язык, героическое сказание «Албынчы», монгольские заимствования, лексема, этимология, семантика, функционирование

Введение

Героическое сказание «Албынчы» – один из величайших памятников устного культурного наследия хакасов, записанный в 1948 г. от знаменитого народного сказителя (хайчы) Семёна Прокопьевича Кадышева (1885–1977) в то время научными сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Д. И. Чанковым и Н. Г. Доможаковым. На сегодняшний день данное героическое сказание является наиболее популярным в хакасском обществе: впервые изданное в 1951 г. (Албынчы, 1951), оно впоследствии претерпело два издания (Албынчы, 1984; Албынчы, 2018). Его отрывки выходили в литературных периодических изданиях (Огни Хакасии, 1950; Антология хакасской поэзии, 1960), сборнике «Героический эпос народов СССР» (1975), учебнике для 5–9 классов «Литература Хакасии» (1992), а также в хакасском и русском вариантах содержится в интернет-ресурсах: https://librebook.me/geroicheskii_epos_narodov_ussr__tom_pervyi/vol11/1; <https://biologo.ru/tom-pervij-biblioteka-vsemirnoj-literaturi-seriya-pervaya-13/index23.html>. Его изучает и хорошо знает молодое поколение. Региональная общественная организация по сохранению и развитию хакасского языка «Ине тілі» («Родной язык», букв. «Язык матери») ежегодно проводит республиканский фестиваль-конкурс среди школьников по мотивам данного героического сказания.

Как известно, эпические антропонимы мотивированы глубинными эпическими смыслами, несут важную смысловую нагрузку, отражают мировоззренческие, нравственно-бытовые взгляды конкретных эпох. «Собственные имена выдаются как особые приметы, выступают

как их устойчивая, постоянная и неизменная характеристика» (Данилова, 2012: 61). Мы вслед за О. В. Субраковой (Субракова, 2007: 64) склонны считать, что антропоним «Албынчы» имеет монгольское происхождение. Возможно, он образован путем присоединения к монгольскому имени *албин*: «1. бес, злой бродячий дух, демон; *ад албин* хорш. бес; *албин аятай* исчадие ада; *албин чотгор* нечистые силы; 2. бесовский; *албин ааш* бесовский нрав; *албины галл* блуждающие огни (являющийся по ночам в виде сверкающего огня)» (БАМРС, 2001: 196) общемонгольского словообразовательного аффикса *-ша/-шэ*. Слова, образованные при помощи данного аффикса, называют «лиц по их деятельности, приверженности, склонности, привычке и т. п.» (Рассадин, 2019: 336). Дополнительные оттенки семантики данного слова прослеживаются и в других языках: *albin* «халх. *албин*; бур. *альбан* (фолькл.) бес, злой дух; бур. чародей, волшебник; кирг. *албын* название болезни; заклинание, которым отгоняют злых дев» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015: 44); як.: *албын* «1) хитрый/хитрость, обман; *албын кихи* хитрый человек; *албынынан ыл-* взять обманым путем...» (ЯРС, 1972: 37) и др. Как видим, расширение семантического объема слова *албин/албын* в разных языках и ассоциативные связи между выражаемыми им явлениями приводят к трансформации его семантической структуры. Учитывая факт того, что *Албынчы*, сын алыпа *Хулатая*, является народным героем, сражающимся с черными силами за родную землю, за свой народ, негативный аспект имени не соотносится с его положительным образом. Неоднозначную оценку действиям трех поколений богатырей в данном героическом сказании дает А. А. Петросян: «Эпос “Албынжи”» оригинален как по своей форме, так и по содержанию. В отличие от древних художественных памятников других тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии в этом эпосе нет героизации воинских походов. Наоборот, «Албынжи», как это можно видеть и в других хакасских народных сказаниях, подчеркнута утверждает, что жажда походов свидетельствует о дурном стремлении батыра похвастаться бесполезным удалством» (Албынжи, 1984: 108). Как отмечает Л. Ц. Санжеева: «Каждая новая эпоха приносит с собой переосмысление имен, унаследованных от предыдущих эпох, в соответствии с духом и социальным кодом эпохи» (Санжеева, 2012: 164).

В текстах героических сказаний сибирских тюрков монгольские заимствования представляют собой наиболее активный и заметный пласт лексики. Впервые на них обратил внимание Б. И. Татаринцев в своей статье о монгольских заимствованиях в тувинских фольклорных текстах, характеризующихся эпизодичностью и нерегулярностью использования. Автор выделяет две группы монголизмов в фольклорных текстах, в частности тувинских героических сказаниях: «1) монголизмы, являющиеся названиями архаичных, утративших в настоящее время свою актуальность и неизвестных тувинцам реалий (в первую очередь это слова, связанные в той или иной мере с ламаизмом); 2) вкрапления в текст эпоса монголизмов, являющихся названиями обычных реалий, для которых существуют регулярно употребляющиеся и употреблявшиеся ранее тувинские слова» (Татаринцев, 1970: 175). Также Б. И. Татаринцев утверждает, что одним из путей проникновения монголизмов в тувинский язык является ламаизм, поскольку в сказках используются наименования ламаистского культа и божеств ламаистского пантеона. Другой причиной использования монгольских слов явилось «двуязычие части сказителей, в результате чего многие монгольские слова могли употребляться наряду с эквивалентными им по значению тувинскими...» (Татаринцев, 1970: 183). Как видим, творцы и исполнители тувинских героических сказаний «не только были знакомы с монгольским эпосом (а некоторые и с монгольской письменной литературой), но и перенимали у монголов отдельные поэтические приемы, в частности развернутые определения возвышенного характера, проникнутые ламаистскими мотивами, хотя и использовали их нерегулярно» (Татаринцев, 1970: 176). Условия для контактов этих народов были разнообразны: «... самые многочисленные монголизмы обнаружены в лексических группах, связанных с религией, животноводством, выражающих родственные связи, в названиях украшений и предметах личного

пользования, домашней утвари. Это обусловлено общностью многовековой истории, интенсивными культурно-политическими и хозяйственно-экономическими контактами. Так, тувинцы и монголы исповедуют единую религию – буддизм. А обилие монголизмов в животноводстве, в лексике, выражающей родственные отношения и предметах быта, объясняется схожим укладом жизни, а также, тесными контактами на уровне семей и родов и т. д.» (Баярсайхан, Саая, Донгак, 2019: 102). По указанным причинам на сегодняшний день тувинский язык считается наиболее «монголизированным».

Монгольские заимствования в тексте героического сказания «Албынчы»:

арчол

арчол фолькл. платок; *ах арчол* белый платок; *алтын арчол* золотом расшитый платок (ХРС, 2006: 80). В монгольском языке *арчуур* обозначает: «1) полотенце, утиральник, салфетка; тряпка, тряпица (все то, чем можно вытирать); <...>; 2) платок» (БАМРС, 2001: 286). Данная лексема имеет монгольскую словообразовательную структуру и «образована при помощи общемонгольского словообразовательного аффикса *-yul* от общемонгольской основы. *Арчол* «платок» < монг. *arčiyul* id. < монг. *arči*- «вытирать» (Рассадин, 1980: 38). В тексте героического сказания «Албынчы» данная лексема обнаружена в следующих примерах: *Алып Хан Хыс анаң, парын, / Тогыс аастыг хызыл сундухты азыбызып, / Хыс сомы хызыл тасты сыгарды. / Аннаң алтын саптыг хамчы, / Алтын арчол ах плат сыгарган* (А, 63) – Затем Алып (Богатырша) Хан Хыс, подойдя, / Открыв красный сундук с девятью дверцами (букв. ртом), / Вытащила красный камень в образе девы. / Затем кнут с золотой ручкой, / Белый платок Золотой арчол вытащила. *Алтын арчол ах платнаң / үс хати сапханда, улуг тынып, / Улуг үскүринип, турып килген* [хыс пала] (А, 63) – Когда белым платком золотой арчол / три раза ударила, тяжело дыша, / тяжело вздыхая, встала (девушка). *Аргалыг сынның үстүне сых парзар, / Тигір паарында, Читиген читі чылтыстың алтында / Алтын арчол ах плат турчадар – ана аны атарзар* (А, 83) – Когда подниметесь на высокий хребет, / Под Медведицей (находящейся) в объятиях неба / Висит белый платок золотой арчол – вот в него будете стрелять. Как показывают примеры, *арчол* наряду с русским заимствованным словом *плат* «платок» используется в составе устойчивого сочетания *алтын арчол ах плат* «букв. золотой платок; белый платок». В современном хакасском языке действует лексема *плат*, а *арчол* сохранился лишь в фольклорных текстах, где используется в качестве определяющего слова к слову *плат*.

албат/албаты

Общемонгольское слово, образованное присоединением к основе *алба(н)*: «1) налог; {...}; 2) подать; {...}; 3) повинность (натуральная или денежная); {...}» (БАМРС, 2001: 195) словообразовательного аффикса *-т*, который «обозначает прилагательные со значением обладания чем-либо, наличия чего-либо; {...}» (Рассадин, 2019: 347). Во всех монгольских языках семантика данного слова остается без изменения: «*alba-tu* халх. *албат*; бур. *албата*; калм. *алвт* подданный, подвластный; *ист.* крепостной, данник» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015: 44). По словарным данным, в монгольском языке наблюдаются незначительные семантические трансформации: *албат* «1) подданный, подвластный, несущий повинность, податной, казенный; *унаган албат* хуучир. исконный подданный; подданный, потомственно служащий какому-л. феодальному роду или семье феодала; *албат ард* хуучир. подданные; *албат нар* хуучир. подданные; *албат улс* хуучир. подданный народ; 2) крепостной, крепостная душа; данник; слуга, прислуга; свита; *албат боол* хуучир. раб; *албат хамжлага* хуучир. принадлежащий к особому сословию подданных, приписанных к какому-л. феодалу для отправления натуральных повинностей; перешедший на территорию чужого князя крепостной» (БАМРС, 2001: 194).

В языке хакасского фольклора данная лексема используется в двух вариантах: «**албат** ист. 1) народ-данник; *ах талай сузны хастада халых албат чон чуртапча* фолькл. по берегам белого моря проживает народ – данник» (ХРС, 2006: 52); **албаты** «1) то же, что и *албат*; *албаты чон* подданный, подвластный народ; 2) слуги, челядь; *албатыдаң төреен пала* незаконнорожденный ребенок (ребенок не ханского происхождения)» (ХРС, 2006: 52). Возможно, в основе слова *албаты* присутствует тюркский аффикс обладания *-ты/-тыг*. В такой же форме это слово имеется в алтайском языке и его диалектах: «*албаты* мир, народ, подданные; массы»; туб. *alбаты don*, кум., челк. *alбаты*, алт. *alбаты*, теленг. *alбаты*, телеут. *alбаты*;» (Рассадин, 2019: 153). В героическом сказании «Албынчы» также встречаем это слово без каких-либо семантических и фонетических изменений: *Харлап аххан Хан хара сузны хастада / Халых албат чон чуртап, / Хайынызып, анда ибiрiлiсчедедiр* (А, 7) – На берегу журчащего родника Хан / Многочисленный подданный народ (данник) / Живет и трудится. Описывая какое-либо событие/ситуацию, сказитель часто прибегает к глаголам *айлан* – «вращаться, крутиться вокруг чего-л.» и *ибiрiл* – «вертеться», чтобы «подчеркнуть то психологическое состояние, то динамичность тех или иных действий героев» (Майнагашева, 2020: 83).

пайзаң

Является общемонгольским обозначением дома, жилища, построения: монг. *байшинг*; халх. *байшинг*; бур. *байшанг*; калм. *бэшин*. С этим же значением данное слово перешло в соседние тюркские языки: тув.: *бажың*; сойот. *байшың*. Также имеются специализированные значения: монг. *байсан* «дома буддийских монахов» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015: 81); тув.: *бажың* «тюрьма; *бажыңга кирер* сесть в тюрьму; *бажың кижизи* заключенный; ср. *кара-бажың*» (ТувРС, 2008: 49); алт.: *байзың* «1) укромное место; 2) дворец» (АРС, 2018: 99). Авторы Этимологического словаря монгольских языков считают, что это слово происходит от «... перс.: *pīš-īwān* галерея, навес перед домом» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015: 81).

Словарная статья хакасского варианта рассматриваемого слова в Хакасско-русском словаре представлена как *пайзаң фолькл.* «прекрасный, сказочно-красивый; великолепный дворец; *ах пайзаң иб* сказочно-красивая юрта – дворец (юрта хана, правителя племени)» (ХРС, 2006: 340). О. В. Субракова считает, что значение *пайзаң* в ХРС передано неточно, следовало бы добавить еще значение «дворец» и «богато обставленная юрта» (Субракова, 2007: 52). В. И. Рассадина в семантической структуре данного слова также склонен видеть предметное значение, а не характеризующее: «Консонантизм монгольского слова *bayising* “здание, дом” в конце слова в хакасском языке получил отражение *пайзаң* “сказочный дворец”» (Рассадин, 1980: 41). Однако насколько известно, в тексте хакасского героического эпоса лексема *пайзаң* выступает в качестве прилагательного и как элемент клишированного выражения *ах пайзаң иб* «роскошная ханская юрта; букв. белая прекрасная юрта» участвует в описании величественного ханского жилища и характеризует лексему *иб* «дом, жилище, юрта». *Харахтыг тас, ачырганганынаң, / Ах пайзаң ибдең сыгып, / Ах пайзаң ибниң кистине пас килip, сiлiгiн тур, / Хайди даа сiлiгiнзе, иргi орнына / Кip полбин тур* (А, 91) – Зрячий раб огорчился, / Выйдя из роскошной ханской юрты, / Отошел за роскошную ханскую юрту и начал вздрагивать, / Но как бы ни вздрагивал, / Никак не мог принять свой прежний образ. *Тозып, тохтап, iкi пала / Ах пайзаң ибниң iстiнде / Ойнап ойласчададырлар* (А, 57) – Двое детей, покушав, / Внутри роскошной ханской юрты / Бегают, играя. Отметим, что семантико-валентностные функции клишированного выражения *ах пайзаң иб* «роскошная ханская юрта; букв. белая прекрасная юрта» такие же, как и у *ах öрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта». Однако в отличие от лексемы *öрге* «дворец, замок, юрта хана, ставка хана» (ХРС, 2006: 327) лексема *пайзаң* «прекрасный, сказочно-красивый; великолепный дворец» может использоваться не только в текстах героических сказаний, но и в хакасском литературном языке, например, *Пайзаң тура пүдiр салтырзар* – Оказывается (вы) построили роскошный,

красивый дом. *Аал ортызында пайзаң школа турча* – В центре села стоит прекрасная школа. Но нельзя сказать, например, *Угаа сіліг пайзаң* «очень красивый дворец» или же *Аал ортызында пайзаң турча* «В центре села стоит дворец». Думается, что столь обширная характеризующая возможность данного слова мотивируется его обозначением строения вообще, а не только ханской юрты в монгольских и тюркских языках. В. Е. Майнагашева пишет: «В хакасский эпос слово *пайзаң* проникло, видимо, в период монгольского ига, в XII–XVII вв. Однако и для более раннего времени образ белого дворца – не фантазия, он связан с реальностью далекого прошлого. В последние годы на территории Хакасии при археологических раскопках были открыты дворец-храм и замок периода IX–XII вв., построенные из сырцового кирпича и принадлежавшие хакасским ханам. Дворец хана обычно находился в центре аала или на краю его. При отсутствии окон (помещение освещалось при помощи люка в потолке) передней стороной древнехакасского жилища считалась восточная сторона, где находилась дверь» (Майнагашева, 2020: 81).

арға-мөріі

Компонент *арға* в хакасском языке отдельно не используется, но его представление в Хакасско-русском словаре допускает возможность его функционирования в языке героических сказаний: *арға* «1) сила, ловкость; *күресте арғаң читсе, чиңерзің* в борьбе победишь, если есть у тебя ловкость; 2) способ, средство, прием; *тамы чирінде сірерні он ікі чыл үгреткем алтон арға пілерге, читон сүме пілерге* фолькл. Я же вас двенадцать лет в преисподней обучала шестидесяти приемам, семидесяти уловкам (борьбу вести)» (ХРС, 2006: 74). Также реализацию этих значений лексемой *арға* в языке хакасских героических сказаний подтверждает О. В. Субракова (Субракова, 2007: 52).

В монгольском языке данная лексема многозначна: «*арға* 1) способ, средство, метод, прием, путь, мера; *аврах арға* спасительное средство; *айлган сүрдүүлэх арға* террористический метод; 2) стиль, манера; методика; образ действий; подход; хватки, повадки, замашки; *ажлын арға* прием, стиль работы; хватка в работе; 3) возможность, удобный случай; выход, лазейка; шанс; *аргалах арға* выход из положения, путь спасения; *аргалахын арға байхгүй* нет удержу у кого-л.; безвыходное положение; 4) уловка, увертка, хитрость, ухищрение, проделка, ход, маневр; западня; *мэргэн арға / зөв арға / сайн арға* мудрый выход; *арға бааш* хорш. ловкость, изворотливость; трюкачество, махинация; 5) хватки, экивоки; плутни, фигли-мигли; *муу арға* грубые хватки; плутовские манеры, приемы; плутни; *муухай арға* некрасивая проделка; 6) штуки, трюк, фокус; *битүү арға* штука; *шлбийн арға / шлбэдэх арға* фокус; 7) изворотливость; пронырливость; *овжин арға* оборотистость, пронырливость; верткость; *зальхай арға зохиох / овжин арға зохиох* пронырство; *арға бач* изворотливость; *арға бач үзүүлэх* проявлять изворотливость; *арға бачтай* изворотливый; 8) ловкость, проворство, увертливость, юркость; верткость, хватка; сноровка; *бултамхай арға* юркость; *дадамгай (сурамгай) арға* сноровка; *арға башир* хорш. ловкость; хитрость; *арға баширтай* ловкий; такой, что всегда выйдет сухим из воды; *арға баширтай хүн* ловкач; продувная бестия; гусь лапчатый; хитрец; пальца в рот не клади кому-л.; ухо-парень; 9) козырь; 10) ключ к чему-л.; *тоо бодох арға / бодлого бодох арға* ключ к решению задачи; 11) режим; *арвилан хэмнэх арға* режим экономии; 12) модус (БАМРС, 2001: 254–257). В БАМРС представлен также омонимичный вариант обсуждаемого слова: *арға II* (эсрэг. *билиг*) 1. гүн. ух. производящая, активная сила; деятельное (мужское, положительное, солнечное) начало в природе (в противоположность *билиг*); 2. совершенный, прекрасный, хороший, добрый, благополучный (БАМРС, 2001: 254–257). Словообразовательная модель данного слова, по предположению Э. В. Севортыяна, построена из глагольного корня *ар-* «прельщать; соблазнять; обманывать» + именной аффикс *-қа* (Севортыян, 1974: 170).

Рассматриваемая лексема также функционирует в других сибирских тюркских языках: алт.: *арға* 1) возможность; *Канайдар база? Ёскё арға јок то, кёёркий нени этсин?* (И. Кочеев)

– Ну что делать? Когда нет другой возможности, что делать бедняжке?; *Ук-нас аргам жок. Слер жаан тоомжылу баатыр кижси инегер!* – деп, *Кара-Тас айтты* (Т. Шинжин) – Не могу не слушать (букв. нет возможности не слушать). Вы же великий почитаемый богатырь! – сказал Кара-Тас»; 2) средство, способ; *арга бедреер* искать способ, средство; *бис мындый аргалар тузаланарыс* мы будем использовать такие средства (АРС, 2018: 80); тоф.: *арга (аргасы)* 1) способ, средство, прием; 2) возможность; *алдылаарның аргасы чоқ* нет возможности промышлять соболя; *үнэр арга чоқ* невозможно выйти; 3) передышка, затишье (*например, на войне, между боями*); *арга бол* – находить выход (*из положения*), находить способ; чудом избегать опасности (Рассадин, 2014: 28); тув.: *арга* 1) способ, средство, прием, путь; *ындыг арга-биле* таким способом, таким путем; *күгүр кислотазын алып арга* способ получения серной кислоты; 2) хитрость, уловка; *арзылаңны арга-биле тударполс.* лва ловят хитростью; 3) возможность; *арга чадаарда:* а) еле-еле; б) волей-неволей (ТРС, 2008: 35) и др. Внешний облик этих слов почти не претерпел значительных изменений. Как показывают эти словарные статьи, *арга/арга* в хакасский и другие тюркские языки перешли в первоначальном значении монгольского *арга*, что является примером закономерности сужения значения заимствованного слова. Известно, что одним из критериев определения заимствованности является наличие многозначности слова в исходном языке и только минимум вариантов его значений (как правило, первичных) в заимствующем языке. Однако вместе с тем *арга* известно также в тунгусо-маньчжурских языках: «*арга* (< монг.) «возможность» эвенк., *аргä* «вера» эвен., *арга* «способ» сол., *агга* (< *арга*) «хитрость», «обман» орок., *арга(н)* тоже орок., *арга* «средство», «способ», «план», «расчет», «хитрость», «обман, уловка» манчж. (Севортян, 1974: 170).

Как мы отмечали, *арга* в хакасском языке используется только в составе сложного слова *арга-мөрйй* «состязание (в силе и ловкости)». Однако частотно выражение – фразеологизм *аарда полбаста* «волей-неволей; в безысходности»: *Аарда полбаста, синзер сурыныснаң килдiм* – (Я) нахожусь в безвыходной ситуации, поэтому пришел к тебе с просьбой. Учитывая его действие в монгольских и соседних тюркских языках в значении «возможность, средство, способ», предполагаем, что в хакасском слове *аарда* произошло морфонологическое стяжение с последующим выпадением гласного *-г-*: *аарда* ← *аргада*, соответственно, в сочетании с глаголом *пол-* «быть», к которому прибавляются аффикс отрицания *-бас* (*полбас-* «не быть, не будет») и аффикс местного падежа *-да* (*полбаста* «в небытии»): *аарда полбаста* «волей-неволей; в безысходности; букв. когда не будет (нет) возможности (способа)».

В тексте хакасского героического сказания «Албынчы» зафиксировано еще сложное слово – сочетание *арга* с *сүме*: *арга-сүме* «1) хитрость, лукавство; *сүменең азарга* перехитрить кого-л.; 2) смекалка; 3) притворство; *хуруг сүме* большой хитрец» (ХРС, 2006: 529). *Албынчы чоохтап тур:* / – *Абый харындас, Түн Хара, / Аргаң-сүмең нар ба? / Түн Хара чоохтап тур:* / – *Арга-сүме піле чоғылбын. / Албынчы чоохтапча:* / – *Алып төреен кізі арга-сүме хайди пілбес?* (А, 79) – Албынчы говорит: / – Брат Тун Хара, / Знаешь ли ты хитрые приемы в борьбе? (букв. Есть ли у тебя средство-хитрость/смекалка)? / Тун Хара отвечает: / – (Я) не знаю таких хитрых приемов (букв. что такое средство-хитрость/смекалка). / Албынчы говорит: / – Человек, родившийся богатырем, как может не знать, что такое средство-хитрость/смекалка? Возможно, в структуре сложного слова *арга-сүме* взаимодополняются синонимичные значения: *арга* в ЛСВ2 «способ, средство, прием» и *сүме* в ЛСВ1 «хитрость, лукавство» для более выразительного обозначения понятия.

Чаще *арга* действует как компонент сложного слова *арга-мөрйй* «состязание (в силе и ловкости); *арга-мөрййге сыгарга* выйти на состязание (о богатырях)» (ХРС, 2006: 74). Оно используется не только в текстах героических сказаний, но и в хакасской активной лексике при описании каких-либо соревнований, особенно национальных видов спортивных состязаний: *Спорт өргезінде олаңай күресче хазыр арга-мөрйй иртти* – Во дворце спорта прошли соревнования по вольной борьбе. Также действуют фразеологические единицы: *арга-мөрйй*

сал – «участвовать в состязании, быть участником состязания; букв. состязание положить» *арга-мөрий тарт* – «участвовать в состязании, быть участником состязания; букв. состязание тянуть».

Лексема *мөрий* в отдельности может употребляться только в фольклорных текстах, в ХРС она представлена как: *мөрий* «1) состязание (в силе, ловкости и меткости); ср. *арга-мөрий*; 2) победа; выигрыш; кемнің мөрийі полды? кто выиграл?; *мөрий – пісти* победа наша» (ХРС, 2006: 256). В тексте героического сказания «Албынчы» лексема *мөрий* используется только во втором значении «победа, выигрыш»: – *Пістің мөрийі полды, – тіп турадыр, – Чирнің үстүнде ханнаң улуғ хан піс поларбыс* (А, 111) – Наш выигрыш (победа), – говорит, – Мы будем самыми великими ханами на этой земле. *Албынчы үс хатап хыйғы салыбысхан:* / – *Мөрийі мині полды, – тидір* (А, 119) – Албынчы трижды бросил клич: – Я победил (букв. была моя победа), – говорит. По такой же структурно-семантической модели используется сложное слово *арга-мөрий*, т. е. в значении «победа, выигрыш»: *Харагы чох тас чоохтап тур:* / – *Че, Харахтыг тазым, арга-мөрий пісти полды* (А, 89) – Слепой раб говорит: / – Ну, Зрячий (мой) раб, победа (стала) наша. *Аргалыг сынның үстүнде, алыпнаң тудызып, / Алыпты кем тастаза, арга-мөрий ани полар* / – *Алтын Арыг хызымны агаа тирем* (А, 83) – Кто на вершине высокого хребта / В борьбе с богатырем победит, / Победа будет его / – (Свою) дочь Алтын Арыг отдам замуж за него. *Пиг кізі, Алтын Хан, / Арга – мөрий кемни полды? / Алтын Хан:* «Я, тастарым, сірерни пол парды», – *тидір* (А, 89–90) – Великий господин, Алтын Хан, / Кто победил? (букв. победа чья стала?) / Алтын Хан: «Да, (мои) слуги, победа ваша. Как видим, действие слов *мөрий* и *арга-мөрий* с общим значением «победа, выигрыш» в приведенных предложениях связано только с фактом принадлежности: *мини* «моя», *сини* «твоя», *ани* «его», *сірерни* «ваш». В качестве исключения можно привести пример, где слово *мөрий* выражает значение «состязание (в силе, ловкости и меткости)»: – *Чил Хара Хыснаң Харагы чох тасха / Алынча мөрий чоохтап пиріңер* (А, 84) – Слепому слуге и Чил Хара Хыс / Предложите отдельное состязание. А также в тексте героического сказания «Албынчы» обнаружен только один пример, где сложное слово *арга-мөрий* используется в значении «состязание, соревнование»: *Алтын Хан чоохтап одыр:* / – Я, *арга-мөрийні* *настирға даа чарир* (А, 83) – Алтын Хан говорит: / Ну, **состязание** можно начинать.

Лексема *мөрий* относится к монгольскому лексическому пласту заимствований: «*mörüi* халх. *мөрий*, калм. *мөрә* пари, заклад; бур. *мүрысэ* – соревноваться» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2016: 178). Исследователи происхождения этого слова связывают с «*mörün* (← монг.) халх. *мөр(өн)*, бур. *ал(э)*, даг. *ал* (муру) плечо, ср. маньчж. *meuiren*, эвк. *мурэ*, ольч. *муірö* плечо» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2016: 178; Дыбо, 1996: 219). Мы предполагаем, что «ассоциативная связь этого слова в этих языках, возможно, основана на представлении о традиционном виде спорта у кочевников – *күрес/хүреш* «борьба», где содействованы такие части тела, как плечо и спина» (Чертыкова, 2022: 96).

Некоторый семантический сдвиг наблюдается в киргизском *мөрөй*: «1. результат одержанной победы; удовлетворение победой (материального результата может и не быть); 2. то, что является призом; приз; *мөрөйге токсон бээ байлап* фолькл. привязав (т. е. выделив) в качестве приза девяносто кобылиц; *мөрөй ал* – выиграть пари;» (КРС, 1985: 36). В алтайском языке такая же картина, где наиболее частотной лексемой является однокоренная лексическая единица с близкой семантикой: *мөр* «удача, успех; *Бастыра ок-жаачыларга мөр* күүнзейли (АЧ) – Всем лучникам пожелаем **удачи**; \diamond *Женги алза – мөри, жендиртип ийзе – өлүми* (погов.) Если победит – его **удача**, если проиграет – его **смерть**» (JAРС, 2018: 477). В отличие от киргизского и алтайского эквивалента *мөрөй/мөр*, семантика которого акцентирована на победном итоге состязания и других видов деятельности, хакасская цепочка однокоренных слов *арга-мөрий* «состязание», *мөрийлезерге* «состязаться в силе и ловкости» (кроме *мөрий*) обозначает процесс состязания без указания конечного результата. И только в текстах героических сказаний они могут реализовать значение «победа; выигрыш».

марга

Лексема *марга* «фолькл. борьба, состязание; см. *марыг*; *алыптар маргызы* состязание богатырей» (ХРС, 2006: 234) монгольского происхождения и которая, по мнению В. И. Рассадина, среди прочих монгольских заимствований «не претерпела никаких фонетических изменений и употребляется наравне с собственно хакасской лексикой в виде тех же лексико-грамматических основ, что и в монгольских языках» (Рассадин, 1980: 38). Материальная оболочка хакасского существительного *марга* соответствует его глагольному общемонгольскому аналогу: «халх. *марга* – спорить; колебаться; отговариваться; бур. *марга* – колебаться, сомневаться; мешкать, оттягивать; калм. *марһ* – спорить» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2016: 163). Если лексема *марга* используется только в текстах хакасских героических сказаний, то в современном хакасском языке предпочтительны варианты: *маргыс* «спор, пари» (ХРС, 2006: 234) и *марыг* 1) сопр, пари; 2) состязание, конкурс; 3) спорт. состязание, соревнование; (ХРС, 2006: 236).

Монгольский аналог данных лексем *маргаан* имеет широкий семантико-валентностный спектр: «спор; конфликт; *ашиггүй маргаан* бесполезный спор; *дуусашигүй маргаан* нескончаемые споры; *том маргаан* крупные споры; *хэрүүл маргаан* скандал; *хэрүүл маргаан болжээ* получился скандал; *ширүүн маргаан* горячий спор; *эрдмийн маргаан* ученые, научные споры; *ямар маргаа(н) байхгүй* абсолютно бесспорно; нет никаких сомнений; *маргаан гаргах / маргаан өдөх* затевать спор; *маргаан таслах* рассудить спор; *маргаан явуулах* вести спор; *маргаанд оролцох* вступать в спор; *маргааныг эцэс болгох* положить конец спорам» (БАМРС, 2001, 2001). Пример из текста героического сказания «Албынчы»: *Хара Моос чоохтан тур: / – Адамынаң Алтын Хан, / Идер маришң иттин, / Нинче чылга читіре мині туттың? / Сөлир маргаң нар полза, сөлеп тур* (А, 83) – Хара Моос говорит: / Зачем, Алтын Хан, / Не начинаешь (свое) соревнование, / Который год уже меня держишь (не выпускаешь)? Если у тебя есть пари (спор), предлагай (говори). Значение хакасского слова *марга* в данном предложении приближено к монгольскому «спор; конфликт», что подтверждает предложенное В. И. Рассадина значение этого слова «спор, пари, соревнование» (Рассадин, 1980: 38).

Однокоренные варианты слова *маргаан* в именной и глагольной формах с близкой семантикой присутствуют и в других монгольских языках. В. И. Рассадина, рассматривая их наличие в сибирских тюркских языках: хак. *марга / маргыс*; алт. *маргыш / маргаан*, шор. *маргаан*, относит в разряд монголизмов (Рассадин, 1980). Однако Б. И. Татаринцев полагает, что не все тюркские формы можно считать таковыми, поскольку не все они «могут быть объяснены как следствие изменения монгольских форм при их освоении в процессе заимствования» и что «монгольская основа типа *таруи* может иметь тюркское происхождение, а формы вроде *мары-ш* носят исконно тюркский характер» (Татаринцев, 2008: 82).

сірее

В хакасском языке и в текстах героических сказаний данная лексема является частотной: *сірее* «1) скамейка, лавка; *ибдегі сірее* лавки в юртах; <...>; 2) деревянная кровать; *ікі кізі узучаң сірее* двухместная деревянная кровать; 3) *ист.* трон; *хан сіреезі*: а) трон хана, ханский трон; б) царский трон; 4) *устн.* жертвенный столик; стол; *тайыгда хазыңнаң сірее итчеңнер* на молениях жертвенный стол сооружали на березовых ветках» (ХРС, 2006: 480). Исследователи отмечают общетюркский и общемонгольский характер данной лексемы: алт.: *шире* «трон», тув.: *ширээ* «устн. столик: а) на котором стояли изображения буддийских богов; б) на котором ставили угощение перед уважаемым человеком»; уйг. *шира/ширә* «столик» (Малов, 1954: 197). В. И. Рассадина отмечает слово *сірее* в списке монголизмов в сибирских тюркских языках: «*сірее* «1) скамейка, лавка; 2) кресло; 3) диван, деревянная кровать (у усть-абаканских качинцев); саг., шор., кыз. *серее* «лавка, скамейка» < монг. *sirege*; ойр. *sirege* «стол, трон, престол»; совр. монг. *ширээ(н)* «1) стол; 2) престол; 3) возвышенность»; бур.: *ширээ*

«1) низкий стол; деревянная кровать; 3) тунк. скамейка; 4) престол, трон; 5) зап. устн. накрест сложенная куча дров для сжигания жертвенных продуктов (в шаманском ритуале)»; калм. *ширэ* «стол, трон, престол; скамейка» (Рассадин, 2019: 242).

В тексте героического сказания «Албынчы» лексема *сірее* используется только в составе клишированного выражения с эпитетом *алтын*: *алтын сірее* «золотая скамейка; золотой трон». Наделение золотым цветом предметов быта не только в хакасском, а в тюркском мифологическом сознании указывает на высокий, божественный статус их обладателя, например, хак.: *алтын стол* «золотой стол», *алтын хур* «золотой пояс», *алтын кинде* «золотая книга» и т. д. По вопросу этимологии в тюркских и монгольских языках слова *алтын* имеются неоднозначные мнения ученых (подробно в: Севортян, 1974: 142–143; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001: 401–404, 636 и др.). Во всех предложениях *сірее* употребляется в форме дательного падежа с аффиксом *-ге* и в сочетании с глаголом *одыр-* «садиться»: *Хулатай <...> / Изен-минді ирткенде, алтын сірееге одырыбысхан* (А, 62) – Хулатай <...> / Поздороваясь со всеми, сел на золотую скамью (трон). *Алтын сірееге одыра түзін, / Хулатай анда орлан салыбысхан: / – Кічигдең киреенче чахсы чуртты / Чуртап полбадым, – тіп орлап-сыхтап турадыр* (А, 123) – Усевшись на **золотой трон**, / Хулатай заревел: / – С малолетства до старости / (Я) не жил (букв. не смог жить) хорошо, – ревет-плачет. *Харахтыг тас алтын сірееге одырыбысхан. / Алтын Арыг алтын столын тартыбысхан* (А, 91) – Зрячий раб сел на **золотую скамью**. / Алтын Арыг накрыла богатый стол.

Есть и исключения, где лексема *сірее* используется без определения *алтын* «золотая»: *Хучахтазып узупчаттырлар, / Хулатай, уйтханынаң тура сегіріп, / үстүнзарых сірееге одырыбысхан. / Алып Хан Хыс, тура сегіріп, / Төрдегі сірееге одырыбысхан* (А, 67) – Спят, оказывается, обнявшись, / Хулатай, застеснявшись, соскочил, / И сел на высоко стоящую **скамью**. / Алып Хан Хыс, тоже застеснявшись, / Села **на скамью** в переднем углу. В данном предложении говорится о деликатной ситуации: богатыри оказались в неловком положении. Возможно, в данном описании не совсем гармонируют действия «соскочить от стыда» и «сесть на золотую скамью», поэтому вместо эпитета *алтын* «золотая» используются обозначения место нахождения скамьи: *үстүнзарых* «высоко стоящая; южная» и *төрдегі* «стоящая в переднем углу».

хуйах

В хакасских героических сказаниях слово *хуйах* обозначает элемент богатырского одеяния и реализуется в значении «1) *ист.* куйак (щит, изготовленный из сыромятной кожи) панцирь, щит; ср. *чаргах; илчірбе хуйах* кольчуга; *күме хуйах* латы (состоящие из мелких пластинок); 2) броня; *танк хуйагы* броня танка» (ХРС, 2006: 859). Примеры: *Ўзүт Арыг ичеңнің / Хара тас хуйагының тастынаң тыынып, / Чир сыдап полбассың / Арыг күзің хаппас* (А, 59) – Если схватишь за черную каменную **кольчугу** / (Своей) мамы Узут Арыг, / Не сможешь одолеть ее, / (Твоих) сил не хватит. *Паарынаң сыххан палазын – Албынчыны – / Көксінең үс хати саап тартханда, / Күме хуйахты саңай үзе, / Халын итке читіре тартхан* (А, 111) – (Своего) родного сына Албынчы / Три раза ударила в грудь, / **Кольчугу** с кольцами разорвав, / Ударила до самого толстого тела. *Тогыс мархалыг хуйагын суурып, / Тогыс аастыг ах тас сундугына сугып, / – Паза сині кеспеспін, - тіп турадыр* (А, 125) – Сняв (свою) **кольчугу** с девятью бляхами, / И складывая в белый каменный сундук с девятью дверцами, / – Говорит, мол, больше не буду тебя одевать. *Аннаң айланып, Алып Хан Хыс, / Тогыс аастыг хызыл тас сундугынаң / Тогыс мархалыг ах хуус хуйагын сыгарып, / Хан Миргеннің палазына аны кизіртті* (А, 58) – Затем повернувшись, Алып Хан Хыс, / Из красного каменного сундука с девятью дверцами / Вытаскивая белую кожаную **кольчугу** с девятью бляхами, / Одеда ее на сына Хан Миргена. В последних двух предложениях реализуются лексические полярные позиции: «складывать в сундук» – «вытаскивать из сундука»; «снимать» – «одевать». Также эти предложения снабжены клишированными выражениями *тогыс аастыг тас сундух* «каменный сундук с девятью

дверцами», *тогыс мархалыг хуйах* «кольчуга с девятью бляхами (букв. пуговицами)». Под *марха* «букв. пуговица», возможно, подразумеваются крупные бляхи, предназначенные для защиты тела во время схваток. При этом допускается словесная вариативность или незначительная трансформируемость внешнего облика клише: *тогыс мархалыг хуйах* «кольчуга с девятью бляхами (букв. пуговицами)» – *тогыс мархалыг ах хуус хуйах* «кольчуга с девятью белыми кожаными бляхами (букв. пуговицами)»; *тогыс аастыг ах тас сундугына* «белый каменный сундук с девятью дверцами» – *тогыс аастыг хызыл тас сундух* «красный каменный сундук с девятью дверцами».

Лексема *хуйах* в разных фонетических вариантах присутствует также в других сибирских тюркских и киргизском языках: тоф. *қуяқ* «кольчуга, панцирь»; тув.: *куяк* «1) броня/броневой, из брони; 2) панцирь»; як.: *куйах* «кольчуга» и др. Ее лексический аналог широко представлен и в монгольском языке: *хуяг I* «1) панцирь; кольчуга, забрало; *дэглий хуяг* короткий панцирь; *хуяг дуулга* хорш. панцирь и шлем; полное военное облачение; *хуяг өмсөх* надевать панцирь; *хуягийн гэр* покрывка, оболочка панциря; 2) броня; *өвч хуяг* боевое облачение, броня; *хуяг нэвтлэх сумм* бронебойная пуля; 3) латник; *хуяг болгох* назначать латником, перевести в латники; *хуяг цэрэг* воин» (БАМРС, 2001: 1044). БАМРС выдает и его омонимичный вариант: *хуяг II* «1) стражник, тюремный смотритель; конвой; *гяндан сахих хуяг* тюремная охрана; *хуяг дагал дуулан хүргэх* направлять под конвоем; 2) түүх. воин; 3) түүх. юрта, обязанная выставить одного воина; *албат хуяг* түүх. несущий воинскую повинность; *хөөгч хуяг* түүх. название младшей командной должности, командир взвода» (БАМРС, 2001, с. 1044). Однако несмотря на широкие семантические и валентностные свойства данного слова, типологи подвергают сомнению его истинное происхождение. В частности, по свидетельству Э. В. Севортыяна, «Дж. Клосон (С1. 676а-б) относил *қуяқ* к ранним тюркским заимствованиям в монгольские языки, а В. И. Рассадин (Рас.МБЗ 68) рассматривал як. *куйах* как заимствование из монгольского» (Севортыян, 1974: 110–111).

В современном хакасском языке слово *хуйах* чаще используется в переносном значении: «интуиция, предчувствие, чутье (по суеверным представлениям, сверхъестественная, присущая некоторым людям сила, которая оберегает их от всяких злоключений, бедствий: *хуйагы хатыг кизи* человек, у которого магическое чутье (если он что-то видит недоброе во сне, это якобы сбывается)» (ХРС, 2006: 859). Также под словом *хуйах* понимают духовную защиту человека от внешних неприятностей, и хакасы часто произносят благопожелание: *Хуйагың тик ползын!* – Пусть твоя защита будет прочной!

Заключение

1. Мы предполагаем, что имя главного героя героического сказания *Албынчы* имеет монгольское происхождение: *албин* «монг. бес, демон» + *шэ*, но в других языках прослеживаются дополнительные оттенки значения этого слова, например, в бур. «чародей, волшебник». Мотивация наречения данным именем и ее связь с характеристикой и судьбой героя пока остаются неясными.

2. Все рассмотренные лексемы, как компонент клишированных выражений, используются в героических сказаниях хакасов и других тюркских народов Сибири. Четыре из девяти рассмотренных монгольских заимствований действуют в современном хакасском языке в несколько трансформированном семантическом варианте.

3. Многочисленные монгольские слова перешли в хакасский (и в другие тюркские сибирские, а также кыргызский) язык, как правило, лишь в первичных значениях; некоторые из них получили развитие переносного значения в современном хакасском языке.

4. Семантика и фонетический облик монгольских заимствований в хакасском языке не обнаруживают значительных изменений. Подобный факт В. И. Рассадин объясняет «длитель-

ным двуязычием, возникшим в результате или сильного языкового влияния монголов, или же участия в этногенезе монголоязычных групп населения» (Рассадин, 2019: 253).

5. Семантико-функциональный анализ монголизмов на материале героического сказания «Албынчы» показал, что они не обладают разнообразием валентностного/синтаксического потенциала. Структура предложений и клишированных выражений в большинстве случаев является однотипной.

Список сокращений:

алт. – алтайский язык; кирг. – киргизский язык; сойот. – сойотский язык; тоф. – тофаларский язык; тув. – тувинский язык; хак. – хакасский язык; шор. – шорский язык; як. – якутский язык.

Словари:

АРС – Алтайско-русский словарь. Редколлегия: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н. В. Екеев, канд. филол. наук А. Н. Майзина, К. К. Пиянтинова, Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е. В. Тюттешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2018. 936 с.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Под общ. ред. ак. АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба. Отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. Ок. 70000 слов. М.: ACADEMIA. 2001. 2007 с.

КРС – Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40 000 слов / сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской советской энциклопедии. 1985. Книга 2: Л–Я. 480 с.

Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь – Тоьфа-орус сооттары. Элиста: Изд-во Калмыцкого гос. ун-та. 2014. 532 с.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шеввернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков в 3 томах / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. Том I: А–Е. М.: ИВ РАН. 2015. 224 с.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шеввернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Том II: Г–Р. 2016. 232 с.

Севертян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Изд-во «Наука». 1974. 767 с.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: «Наука». 2008. 442 с. Том IV: М, Н, О, Ө, П.

ТРС – Тувинско-русский словарь. Изд-во: Самиздат. 2008. 338 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сөстiгi: около 22 тыс. слов. Авторы-составители: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков и др. Под общей редакцией О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

ЯРС – Якутско-русский словарь. 25 300 слов. Под ред. П. А. Слепцова. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1972. 568 с.

Литература:

Албынчи: хакасское героическое сказание / Сказитель С. П. Кадышев; Литературный перевод И. Кычакова; Предисловие В. Доможакова. Художник А. Новосёлова. Абакан: Хакасское областное гос. изд-во. 1951. 112 с.

Албынчи: хакасское героическое сказание. Перевод И. Кычакова. Красноярск: Красноярское книжное изд-во. 1984. 112 с.

Албынчы. Алыптыг ныхах. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 2018. 126 с.

Албынчы: Алыптыг ныхах // Хакас поэзиязының антологиясы. Абакан, 1960. С. 7–12.

Албынчы. Две главы из сказания // Огни Хакасии. 1950. № 3. С. 162–176.

Албынчи: Хакасский народный эпос / пер. И. Кычакова // Героический эпос народов СССР. Вступительная статья, составление и примечания А. А. Петросян. М.: Художественная литература. Т.1. 1975. С. 461–532.

Албынчи: Хакасское героическое сказание // Литература Хакасии: 5–9 классы. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 1992. С. 133–176.

- Баярсайхан Бадарч, Саая О. М., Донгак А. С.** Слова монгольского происхождения в тувинских сказках // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 94–106.
- Данилова А. Н.** К вопросу изучения семантики собственных имен персонажей в эпосе якутского и хакасского народов // Якутский героический эпос олонхо: вопросы научного изучения: сб. науч. ст. / В. Н. Иванов (отв. ред.) и др. Якутск: Издат. дом СВФУ. 2012. С. 60–62.
- Дыбо А. В.** Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: «Школа Языки русской культуры». 1996. 390 с.
- Майнагашева В. Е.** Примечания к переводу героического эпоса «Алтын Арыг». Библиографический справочник: к 90-летию со дня рождения. 4-е издание, переработанное, дополненное. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова. 2020. С. 77–121.
- Малов С. Е.** Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы, словарь Академии наук СССР. Институт языкознания. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. 1954. 204 с.
- Рассадин В. И.** Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Изд-во «Наука». 1980. 117 с.
- Рассадин В. И.** Очерки по истории сложения тюркско-монгольской языковой общности / под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Изд-во: Нестор – История. 2019. 608 с.
- Санжеева Л. Ц.** Эпические имена собственные: этносемантический аспект // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2012. № 10. С. 161–164.
- Субракова О. В.** Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 2007. 164 с.
- Татаринцев Б. И.** О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора (на материале сказок и героических сказаний) // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XIV. Кызыл. 1970. С. 174–188.
- Тенишев Э. Р., Благова Г. Ф., Добродомов И. Г., Дыбо А. В., Кормушин И. В., Левитская Л. С., Мудрак О. А., Мусаев К. М.** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е издание, доп. М.: Наука. 2001. 822 с.
- Чертыкова М. Д.** Концептуальное пространство *счастье* в тюркских языках Сибири (по материалам лексикографических источников) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1 (35). С. 92–105.

Чертыкова Мария Дмитриевна.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

**Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.**

Ул. Ленина, 94, Абакан, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 28 ноября 2022 г.

M. D. Chertykova

MONGOLIAN BORROWINGS IN THE TEXT OF THE KHAKASS HEROIC LEGEND «АЛБЫНЧЫ»

Like other Siberian Turkic languages, the Khakass language is characterized by an abundance of Mongolian borrowings due to the centuries-long contacts of its speakers. In the texts of the heroic stories, most of these words have been preserved, even those that are no longer actively used. Based on the semantic, morphological, phonetic, and etymological criteria for selecting the Mongolian loan vocabulary described in the works of famous linguists – typologists E. V. Sevortyan, V. I. Rassadin, B. I. Tatarintsev, A. V. Dybo, and others – we have managed to identify Mongols in the text of the Khakass heroic legend “Албынчы”. However, the question of the Mongolian origin of some of them is still open. This article analyzes the nine most frequent lexemes in the language of the heroic sagas from the functional-semantic, etymological, and comparative points of view, of which four lexemes are used in the modern Khakass language in a somewhat modified semantic version. Translation examples of Mongolian borrowings from the heroic legend “Албынчы” served as material for the article, for the analysis of which data from lexicographic sources were used. It turned out that all the Mongolian borrowings we considered exist not only in the Khakass language but also in other Siberian Turkic languages and the Kyrgyz language. However, if some of these words are preserved only in the Khakass texts of the heroic legends and in the Khakas-Russian dictionary [2006], then their equivalents are used in the active vocabulary of other languages, for example, *аҕра* “1) strength, dexterity; 2) method, means, reception”. It has also been noted that polysemantic Mongolian words have generally passed into the Khakass language (and other Siberian Turkic languages, as well as the Kyrgyz language) only in their primary meanings; some of them have developed figurative meanings in

the modern Khakass language, e.g., хуйах “protection; intuition” In the semantic-functional scheme, sentences with Mongols are not characterized by a particular variety of syntactic links, as active clichéd expressions are built into them. Also, the semantics and phonetic appearance of the considered mongolisms in the Khakass language do not show significant changes.

Keywords: *Khakass language, heroic legend “Албынчы”, Mongolian borrowings, lexeme, etymology, semantics, functioning*

References:

- Albynzhi:** hakasskoe geroicheskoe skazanie / Skazitel' S. P. Kadyshev; Literaturnyj perevod I. Kychakova; Predislovie V. Domozhakova. Hudozhnik A. Novosyolova. Abakan: Hakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1951. 112 p.
- Albynzhi:** hakasskoe geroicheskoe skazanie. Perevod I. Kychakova. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1984. 112 p.
- Albynchy.** Alyptyr nymah. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 2018. 126 p.
- Albynchy:** Alyptyr nymah // Hakas poeziyazynuz antologiyazy. Abakan, 1960. P. 7–12.
- Albynchy.** Dve glavy iz skazaniya // Ogni Hakasii. 1950. No 3. P. 162–176.
- Albynzhi:** Hakasskijnarodnyj epos / Per. I. Kychakova // Geroicheskij epos narodov SSSR. Vstupitel'naya stat'ya, sostavlenie i primechaniya A. A. Petrosyan. M.: «Hudozhestvennaya literatura». Vol. 1. 1975. P. 461–532.
- Albynzhi:** Hakasskoe geroicheskoe skazanie // Literatura Hakasii: 5–9 klassy. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1992. P. 133–176.
- Bayarsajhan Badarch, Saaya O.M., Dongak A. S.** Slova mongol'skogo proiskhozhdeniya v tuvinskih skazkah // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2019. No 4. P. 94–106.
- Daniilova A. N.** K voprosu izucheniya semantiki sobstvennyh imyon personazhej v epose yakutskogo i hakasskogo narodov // Yakutskij geroicheskij epos olonho: voprosy nauchnogo izucheniya: sbornik nauchnyh statej / red. koll. V. N. Ivanov (otv. red.) i dr. Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU. 2012. P. 60–62.
- Dybo A. V.** Semanticheskaya rekonstrukciya v altajskoj etimologii. Somaticheskie terminy (plechevoj poyas). M.: «Shkola Yazyki russoj kul'tury». 1996. 390 p.
- Majnagasheva V. E.** Primechaniya k perevodu geroicheskogo eposa «Altyn Aryg». Biobibliograficheskij spravochnik: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya. 4-e izdanie, pererabotannoe, dopolnennoe. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo im. V. M. Torosova. 2020. P. 77–121.
- Malov S. E.** Ujgurskij yazyk. Hamijskoe narechie. Teksty, perevody, slovar' Akademiya nauk SSSR. Institut yazykoznanija. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1954. 204 p.
- Rassadin V. I.** Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskih tyurkskih yazykah. M.: Izdatel'stvo «Nauka». 1980. 117 p.
- Rassadin V. I.** Oчерki po istorii slozheniya tyurksko-mongol'skoj yazykovoj obshchnosti / pod red. A. V. Dybo. SPb.: Nestor – Istoriya. 2019. 608 p.
- Sanzheeva L. C.** Epicheskie imena sobstvennye: etnosemanticheskij aspekt // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No 10. P. 161–164.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov.** Leksika: 2-e izdanie, dopolnennoe. Avtory: E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov, A. V. Dybo, I. V. Kormushin, L. S. Levitskaya, O. A. Mudrak, K. M. Musaeov. M.: Nauka. 2001. 822 p.
- Subrakova O. V.** Yazyk hakasskogo geroicheskogo eposa. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 2007. 164 p.
- Tatarincev B. I.** O nekotoryh gruppah mongolizmov v yazyke tuvinskogo fol'klora (na materiale skazok i geroicheskikh skazanii) // Uchyonye zapiski TNIIYALI. Vypusk XIV. Kyzyl. 1970. P. 174–188.
- Chertykova M. D.** Konceptual'noe prostranstvo schast'e v tyurkskih yazykah Sibiri (po materialam leksikograficheskikh istochnikov) // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2022. No 1 (35). P. 92–105.

Chertykova Maria Dmitrievna.

Doctor of science (philology), senior research fellow.

Institute of Humanitarian Researches and Sayan-Altai Turkology of Katanov Khakass State University.

Lenina Str., 94 Abakan, Russia, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru